

Колдин В.Я., Крестовников О.А.

**Проблема истинного знания
в судебном процессе и криминалистике**

*// Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае:
материалы ежегодной межрегиональной научно-практической,
посвященной памяти заслуженного юриста РФ,
д.ю.н., профессора Е.Н. Тихонова.
Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008, Вып. 7-8*

Теоретический спор вокруг истины в процессе возник, по мнению авторов, во-первых, в связи с некритическим переносом философских и общенаучных определений истины на требования к научно-прикладному знанию, достижимому в условиях судебного процесса; во-вторых, в связи с недооценкой методологических функций принципа истины и праксеологических следствий, вытекающих из этого принципа, а также неправомерным смешением понятий принципов и задач процессуальной деятельности (смешение принципа истины с задачей достижения истинного знания в судопроизводстве). В настоящее время и практика, и большинство ученых исходят из понимания истины не как абстрактной философской категории (абсолютная, относительная истина), а как соответствующего действительности научно-прикладного фактического знания.

Ключевые слова: судебный процесс, криминалистика, истина, истинное знание.

Theoretical dispute round truth in process arose, according to authors, first, in connection with noncritical transfer of philosophical and general scientific definitions of truth on requirements to scientific applied knowledge, achievable in the conditions of trial; secondly, in connection with underestimation of methodological functions of the principle of truth and the prakseologicheskikh of the consequences following from this principle, and also illegal mixture of concepts of the principles and problems of procedural activity (mixture of the principle of truth with a problem of achievement of true knowledge in legal proceedings). Now both practice, and most of scientists proceed from understanding of truth not as abstract philosophical category (absolute, relative truth), and as the untrue scientific and applied actual knowledge.

Keywords: trial, criminalistics, truth, true knowledge.

Осуществленное в действующем УПК РФ изъятие принципа истины из текста законодательно закрепленных принципов уголовного процесса требует новых подходов к оценке общей системы этих принципов, ее структуры и связи с практическими задачами процессуальной деятельности ее участников. По мнению авторов, такой подход может быть реализован с использованием принципов системнодеятельностного анализа и разграничения технологических требований и методологических принципов судебной деятельности. (Методологические и инструментальные аспекты системно-деятельностного подхода и анализа в криминалистике подробно исследованы в ряде работ отечественных криминалистов. См.: [1-12]). В числе всех принципов процессуальной деятельности принцип истины является единственным интегральным принципом высшего иерархического уровня. Именно он обеспечивает системность, целостность и сущность процессуальной деятельности, ее системное

своеобразие и существенное отличие от всех других видов человеческой деятельности.

В системе целенаправленной деятельности цель определяет средство, но не наоборот. Истина как общесистемный принцип и цель процесса определяет систему средств ее достижения, в числе которых подчиненные принципы, структурная организация процесса, функции его участников, используемые ими методы, методики и технологии.

Только рассмотренным в такой системе принципам состязательности и непосредственности и функциям обвинения и защиты может быть дано истинное истолкование. Все они как системные процессуальные институты являются средствами реализации высшего иерархического принципа истины. Состязательность как системный институт правосудия может рассматриваться только как средство достижения истины и в этом качестве он эффективно обслуживает задачи правосудия. Взятый же как самоцель или как высший принцип, в жертву которому должно быть принесено все, в том числе истина, он может привести, особенно в публичном процессе, затрагивающем интересы общества и государства, к существенным деформациям системы правосудия. Функции обвинения и защиты как системные институты в полном соответствии с принципом истины также эффективно обслуживают задачи правосудия. Функция обвинения служит объективному обоснованию, доказыванию предъявленного обвинения при обязательном исключении в ходе расследования всех других версий расследуемого события. Функция защиты служит опровержению предъявленного обвинения путем доказывания опровергающих его фактов и объективного обоснования версии защиты.

Задача обнаружения истины не ставится как задача деятельности ни перед обвинителем, ни перед защитником, они не обязаны устанавливать истину. Однако они обязаны действовать в соответствии с высшим процессуальным принципом истины в рамках объективного расследования и, действуя таким образом, выполняя свои процессуальные функции, они объективно обеспечивают установление истины.

Рассмотренным же изолированно, вне общей системы институтов процессуального регулирования, этим инструментам будет неизбежно дано ложное толкование, приписаны несвойственные им функции и роль в процессе доказывания.

Так, принципу состязательности и функциям обвинения и защиты, взятым в отрыве, вне связи с принципом истины, неизбежно будет дано ложное истолкование. Состязательность превращается в поединок, где побеждает не

правый, а сильный, суд же пассивно констатирует такой финал¹.

Противопоставленные вне рамок объективного расследования функции обвинения и защиты не дополняют, а взаимно исключают друг друга: обвинение невиновного, защита любыми средствами вплоть до фальсификации доказательств. Будучи же выстроены в гармоническую иерархическую систему, эти принципы и функции действительно обеспечивают установление истины и вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Традиционной для наиболее фундаментальных руководств по российскому доказательственному праву было рассмотрение судебного доказывания как предписанной законом процедуры установления истины в процессе [6]. Исключение принципа истины из перечня законодательно закрепленных принципов уголовного процесса не могло не породить ряд важных методологических и практических проблем, связанных с самой концепцией целей и задач судебного процесса, его структурой и практикой доказывания. Следуя букве закона, ряд авторов поспешили отказаться и от самого термина истины, заменяя его при определении задач доказывания «верным знанием», «фактом», «фактическими данными», «доказанными положениями» и т.п. Поскольку принцип истины и понятие истинности знания неразрывно связаны с решением практических задач доказывания и криминалистического анализа, следует обосновать принятые в дальнейшем изложении методологические положения.

Теоретический спор вокруг истины в процессе возник, по нашему мнению, во-первых, в связи с некритическим переносом философских и общенаучных определений истины на требования к научно-прикладному знанию, достижимому в условиях судебного процесса; во-вторых, этот спор возникает в

¹ В комментариях к недавно принятому в США Федеральному закону «О доказательствах» признается, что принцип состязательности, рассматриваемый как основополагающий принцип процесса, приводит к существенным деформациям правосудия и требует детального регулирования путем введения строгих правил допустимости доказательств. Таким образом, заимствованная российским УПК система принципов уже на Родине не выдержала строгой проверки временем. См: (Evidence Rules Federal Rules of Evidence Wfest. 1998). На производство по делам в федеральных судах распространяются Федеральные правила о доказательствах, впервые опубликованные в 1975 г. До 1975 г. процесс доказывания в федеральных судах регулировался прецедентным правом, несколько отдельных вопросов были урегулированы статутами. Большинство судов штатов последовали примеру федеральных судов и приняли правила доказывания, сходные с Федеральными правилами о доказательствах. Более детальный анализ доказательственного права содержится в работах: Roger C. Park, David P. Leonard, Steven H. Goldberg. *Hornbook on Evidence Law Wfest, 1998*; John W. Strong et al. *McCormick's Hornbook on Evidence 4th Ed Nst 1992*; Michael H. Graham *Federal Rules of Evidence in a Nutshell, 4th ed // fesi 1996*; Paul Y. Rothstem, Myra S. Raedr, David Crump. *Evidence am a Nutshell State and Federal Rules, 3ded Wfest, 1997*, Arthur Best/ *Evidence Examples and Explanations 2ded Aspen, 1997*.

связи с недооценкой методологических функций принципа истины и праксеологических следствий, вытекающих из этого принципа, а также неправомерным смешением понятий принципов и задач процессуальной деятельности. Ошибки первого рода уже подробно проанализированы в классических исследованиях по уголовно-процессуальному праву. В настоящее время и практика, и большинство ученых исходят из понимания истины не как абстрактной философской категории (абсолютная, относительная истина), а как соответствующего действительности научно-прикладного фактического знания.

Весьма актуальным и перенесенным уже в сферу законотворчества остается смешение принципа истины с задачей достижения истинного знания в судопроизводстве. В соответствии с принципами системно-деятельностного подхода задача является интегративным элементом любой целенаправленной деятельности, определяющей ее структуру и результат. Задача является определяющим технологическим параметром любой деятельности. Это своеобразный ГОСТИрованный результат. В соответствии с общей концепцией и структурой российского процесса за истинное в нем принимается знание, полученное не каким-либо отдельным участником судебного процесса на его отдельной стадии, а как результат реализации всех предусмотренных законом процессуальных средств ее достижения, общий совокупный итог процессуальной деятельности.

Исходя из этой концепции, для каждого отдельного участника истина выступает не как запрограммированный результат его деятельности, а как принцип, которым он должен руководствоваться. На каждой отдельной стадии процесса, каждым отдельным участником достигается информационное наполнение интегральной информационной модели истинного знания, построенной на основе общих принципов доказывания в соответствии с процессуальной функцией каждого участника процесса.

Установление истины вообще не может рассматриваться как задача деятельности отдельного участника процесса, отдельного института и даже отдельной стадии процесса. Истины как процессуальной категории нет ни в постановлении о возбуждении дела, ни в исковом заявлении, ни в обвинительном заключении, ни даже в судебном решении, поскольку оно может быть отменено вышестоящей инстанцией. Истина есть высший принцип всей процессуальной деятельности, выражающий общую идею и парадигму правосудия. Будучи высшим интегральным принципом, идеологией судебного процесса, принцип истины организует его структуру, направляет к единой цели действия всех его участников, в том числе и в особенности участников, имеющих различные и противоположные интересы, придает процессу и всей судебной си-

стеме свойство целостности. В этом качестве принцип истины относится к инструментам базовой методологии правосудия.

Особая значимость, ценность и незаменимость этого принципа в судебном процессе определяется тем, что он является единственным принципом в числе общечеловеческих ценностей, на основе которого можно справедливо решать любые правовые конфликты, любого уровня и сложности. «Честность ума состоит в том, чтобы не отступать перед правдой, стремиться к ней, находить ее любой ценой, гнушаться легких и половинчатых решений, унижительной лжи» [5].

Рассматриваемый с позиции философии права принцип истины выражает морально-этическую сущность права. Истинное судебное решение - справедливо, морально. Неистинный приговор не может быть справедливым, моральным. Поэтому истина - это моральный стержень деятельности любого служителя закона. В то же время истина - моральное оправдание любого самого сурового приговора, поскольку любой самый закоренелый преступник, если не примет, то поймет истину этого приговора, поскольку он сам изначально, сознательно преступая черту закона, принял ее как справедливую кару за содеянное. В связи с этим отказ законодателя от принципа истины в действующем УПК РФ следует оценить как существенный правовой, идеологический и методологический просчет.

Будучи интегральным принципом всей процессуальной деятельности, установление истины является также системообразующим принципом фактологического анализа, определяющим цель и сущность всех его элементов и категорий, понятий и рабочих инструментов. Не ставя задачу установления истины перед каждым отдельным участником процесса, перед каждым процессуальным действием и даже стадией процесса, этот принцип, как сверхзадача, стратегия судебной деятельности, обязывает всех его участников реализовывать свои функции и оценивать результаты своей деятельности в соответствии с этим принципом.

Как видно из сказанного, концепции содержательного, истинного правосудия в настоящее время в России противостоит концепция формально юридической системы правоприменения, при которой одно только соблюдение процедуры, не связанное с установлением истины и ее соответствия действительности, будет считаться «законным и обоснованным» судебным решением¹. Однако вряд ли такая система правоприменения может быть названа

¹ Определенные тенденции построения такой системы, заложенные в действующем УПК РФ, были уже подвергнуты критике в многочисленных статьях и монографиях отечественных юристов.

истинным правосудием и вряд ли она соответствует гуманистическим и морально-этическим традициям российского правосудия.

Рассматривая доказывание как предписанную законом процедуру установления истины по судебному делу, необходимо выделить в задаче доказывания содержательную (истина) и нормативно-правовую (процессуальное регулирование) составляющие. Рассмотрению этих составляющих как содержанию и форме процессуального доказывания посвящена значительная литература. В контексте настоящего рассмотрения целесообразно остановиться только на отдельных актуальных аспектах проблемы. Подчеркнем в первую очередь ведущую роль содержательной стороны процессуального доказывания. При всей своей значимости процессуальная форма, как и любая форма, является лишь средством представления и выражения содержания. Процессуальная форма без фактического содержания, процессуальная форма без истины или с фиктивной, искаженной истиной теряет смысл, извращает задачи правосудия.

Нормативно-правовое регулирование распространяется на все элементы процессуального доказывания, все его основные институты.

К ним относятся в их иерархической последовательности: принципы и функции процессуального доказывания; общая структура процессуальной деятельности; структура отдельных стадий процессуальной деятельности; структура процессуальных действий; статус участников процессуального доказывания.

Остановимся на действующей в судебном процессе системе принципов и процессуальных функций, которая должна соответствовать требованиям системного подхода, а используемые для их анализа методы - требованиям системно-деятельностного анализа.

Системная организация деятельности характеризуется четко выраженной структурой связей между ее элементами, характеризующих функцию каждого из элементов в структуре деятельности и целостность самой системы, характеризующую ее функцию в системе более высокого уровня. Имея в виду, что процессуальная деятельность относится к категории сложных многофакторных, многосубъектных, многоцелевых динамических систем, анализ ее иерархической и динамической организации приобретает особо важное значение.

Следует обратить внимание в первую очередь на иерархическую структуру рассмотренных важнейших институтов процессуального регулирования доказательственной деятельности, ибо сама эта структура также является важнейшим инструментом такого регулирования. Представляют интерес задачи,

свойства и закономерности развития инструментов процессуального регулирования доказательственной деятельности. Рассмотрим в их числе: задачи процессуального регулирования; детализацию процедур процессуального доказывания; развитие института процессуальных действий; формализацию и алгоритмизацию процессуальных процедур доказывания.

Процессуальное регулирование доказательственной деятельности не может рассматриваться как самоцель. Это свойственно процессуальным системам формальной истины. Все средства процессуального регулирования должны быть направлены на обнаружение истины, что решает также и задачу защиты процессуальных прав участников процесса.

В соответствии с этим правовой и фактологический анализ доказательственной деятельности должны не противопоставляться, а взаимно дополнять друг друга. Так, процессуально-правовые принципы состязательности, непосредственности, функции обвинения и защиты, презумпции и преюдиции не могут рассматриваться как автономные формально юридические институты. Все они представляют систему процессуальных средств реализации принципа истины и в качестве таковых должны использоваться как инструменты фактологического анализа.

Будучи содержательным ядром процессуального доказывания, сфера фактологического анализа не ограничивается этой областью и охватывает значительно более широкую информационную сферу. Нельзя, по нашему мнению, искусственно ограничивать эту сферу, сводя ее к процессуальной форме доказательств и даже предварительному и судебному следствию.

В зависимости от характера, способа и формы получения релевантной информации она может иметь характер доказательств или ориентирующей информации, способствующей получению доказательств.

Информационные каналы, ведущие к получению доказательств и установлению юридических фактов, имеют сквозной характер и проходят через деятельность оперативно-разыскных органов, органов дознания, предварительного расследования и суда, а также обслуживающих деятельность этих органов информационных, регистрационных и экспертных систем. Конечный продукт этой информационной деятельности - приговор или решение суда является продуктом всей этой информационной системы.

Правильное понимание познавательной информационной и правовой природы этого продукта может быть достигнуто только в рамках этой целостной системы.

С учетом этих положений следует, на наш взгляд, решать целый круг проблем, касающихся собственно процессуального и доказательственного права. К ним относится, в частности, проблема легализации оперативно-

разыскной информации, вопрос о возможности производства осмотра и экспертизы до возбуждения уголовного дела и др.

Если производство этих процессуальных действий необходимо для обоснованного возбуждения дела и наиболее эффективного обнаружения истины в интересах всех участников процесса, их следует решать положительно. Гибкость процессуальной формы, обеспечивающей процессуальные права всех участников процесса, должна обеспечить, не в последнюю очередь, и интересы эффективного обнаружения истины.

К числу закономерностей развития процессуальной формы относится усложнение ее структуры и инструментария.

Упрощенный регламент доказывания, свойственный начальным и незрелым формам процессуального доказывания, ограничивался, как известно, формулировкой принципов доказывания: «божий суд», признание и т.п. Чем более совершенна процессуальная система в целом, тем более детализирована процессуальная регламентация доказывания. Так, в Англии действует система прецедентного права, позволяющая использовать в доказывании многовековой опыт английских судов. В США в качестве федерального закона приняты и используются Правила доказывания, детально регламентирующие проблемы относимости и допустимости доказательств и нейтрализующие отрицательные последствия отдельных правовых институтов, например принципа состязательности.

Учитывая мировой опыт, следует, по нашему мнению, шире использовать в отечественном судебном процессе наиболее эффективные средства его правового регулирования, повышающие его уровень.

Значительный резерв представляют в этом отношении разработки и предложения «de lege ferenda» отечественных юристов в их многочисленных монографиях и диссертациях. К сожалению, они, как правило, остаются невостребованными¹.

В качестве положительного примера следует привести исследования, посвященные развитию института следственного действия и разработки криминалистов, посвященные следственному эксперименту и проверке показаний. Они привели к их оформлению в качестве самостоятельных процессуальных действий. Тем самым был нормативно закреплен принцип комплексного исследования и фиксации в рамках одного процессуального действия вещественной и вербальной информации, полученной из различных источников.

¹ В качестве примера собственных обращений в адрес законодателя. Предложение об обязательном назначении экспертизы в случаях установления тождества по материальным следам, высказанное в ряде монографических исследований на протяжении 1951-2002 гг., осталось невостребованным. В Кодексе действует норма 1924 г.

Сопоставление этих потоков доказательственной информации представило новые возможности исследования и оценки доказательств.

Рассмотренные методологические положения позволяют правильно решить ряд важных процессуально-доказательственных и криминалистических проблем. К их числу относится, в частности, часто возникающий в судебной практике вопрос об истинности заключения эксперта и специалиста, истинности обвинительного заключения, конкретного судебного решения, приговора - любого правового акта.

Поскольку судебная истина является коллективным продуктом судебного процесса, синтезирующего материально-правовые, процессуальные и информационно-познавательные аспекты и научно-практические средства, использованные всеми участниками познавательного процесса, и становится таковой только в форме вступившего в законную силу судебного приговора или решения, любые промежуточные познавательные акты и правовые решения отдельных участников процесса могут рассматриваться только с позиций их обоснованности и доказанности, но не истинности.

Особенно наглядно можно проследить это положение на примере оценки заключения судебного эксперта, к которому в судебной практике неправомерно предъявляется требование истинности в форме категорического заключения. Это требование нормативно выражено, в частности, в признании недопустимыми вероятных заключений¹, а также в попытках ряда ученых формирования «стандарта» истинного экспертного знания².

Методологическая ущербность данных подходов состоит в смешении требования доказанности промежуточного экспертного вывода при судебном исследовании с принципом судебной истины.

Первое характеризует технологические требования судебного исследования, а второе - его методологический принцип.

Рассмотрим это на примере оценки заключения судебной экспертизы.

Заключение эксперта-почерковеда о выполнении подписи в документе определенным лицом, данное в форме категорического заключения, может

¹ В соответствии с руководящими указаниями Пленума Верховного Суда СССР «вероятные заключения эксперта не могут быть положены в основу обвинительного приговора» (Постановление Пленума Верховного Суда №1 от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам»). Подробный анализ проблемы допустимости и доказательственного значения заключений эксперта, данных в предположительной форме, содержится в монографии: Колдин В.Я. Судебная идентификация. - М., 2002. - С. 193-210.

² См.: Gill P., Jeffreys A.J., Werett D.J, Forensic Application of DNA - "Fingerprint" // Nature. - 1985. - №5. - p. 76-79; Иванов П.Л. Экспертная идентификация останков императорской семьи посредством молекулярно-генетической верификации родословных связей // Судебно-медицинская экспертиза. - 1998. - № 4. - С. 30-47.

рассматриваться как важнейшее доказательство по конкретному делу, во многом преопределяющее судебное решение.

Это заключение, однако, не может рассматриваться как истина факта, установление которого возможно только в системе других источников информации о выполнении подписи и данным лицом (другие документы, показания свидетелей о состоянии хранения и условиях оформления документов, показания идентифицированного лица и др.). Поэтому для оценки данного заключения в этой частной системе доказательств по существу важны в первую очередь данные, характеризующие надежность вывода эксперта, обусловленную идентификационной значимостью выявленной им совокупности совпадений, определяемой на основе вероятностно-статистических и эмпирических критериев. При этом форма (категорическая, вероятностная и др.) важна лишь как характеристика этой надежности.

Вывод следователя и суда о доказанности факта может быть сформирован только на основе оценки всех источников доказательств, включающих заключение эксперта. Процесс доказывания по делу в целом и судебное решение, опирающееся на совокупность установленных по делу фактов, также должны рассматриваться как осуществляемый в правовой форме технологический процесс, включающий ряд точных исследований и технологических процедур, характеризующих обоснованность, надежность судебного решения.

Принцип истины следует рассматривать как важнейший интегральный принцип деятельности всех участников судебного процесса, представляющий главную гарантию достоверности получаемого «на выходе» судебного знания. В качестве такового рассматривается вступивший в законную силу судебный приговор (решение).

Библиографический список

1. Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / под ред. В.Я. Колдина. М., 1989.
2. Криминалистика социалистических стран / под ред. В.Я. Колдина. М., 1986.
3. Самыгин Л.Д. Расследование как система деятельности. М., 1989.
4. Колдин В.Я. Методологические основы и методы криминалистики и криминалистической деятельности // Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. М., 1995.
5. Колдин В.Я. Информационные процессы и структуры в криминалистике / В.Я. Колдин, Н.С. Полевой. М., 1985.
6. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002.
7. Зеленковский С.П. О вероятностно-статистическом моделировании

признаков лица, совершившего убийство // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1982. Вып. 35.

8. Первухина Л.Ф. Об использовании методов математической статистики в методике расследования и возможности моделирования личности преступника // Вестник МГУ. 1985. Вып. 4.

9. Жбанков В.А. Способы выдвижения и проверки версий о личности преступника // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1983. Вып. 39.

10. Жбанков В.А. Принципы системного подхода в криминалистике и практической деятельности органов внутренних дел при собирании, оценке и использовании доказательств. М., 1977.

11. Материалы семинара прокуроров-криминалистов. Л., 1976.

12. Ищенко Е.П. Типовые информационные модели преступной деятельности и алгоритмизация первоначального этапа расследования (Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений): дис.... докт. юрид. наук. Свердловск, 1989.

13. Ролан Р. Собрание сочинений. Т. 13.

14. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.; Л., 1947.